

АЛЕКСАНДР
АУЗАН

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЭКОНОМИКИ

Как ценности влияют
на конкуренцию,
демократию
и благосостояние народа

Что такое модернизация по-русски?
Почему в экономике России чередуются реформы и застой?
Как изменить культурный код без потери
национальной идентичности?

Arzamas

Экономические миры

Александр Аузан

**Культурные коды экономики.
Как ценности влияют на
конкуренцию, демократию
и благосостояние народа**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 330.341
ББК 65.011

Аузан А. А.

Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А. А. Аузан — «Издательство АСТ», 2022 — (Экономические миры)

ISBN 978-5-17-148122-3

В основу этой книги лег курс общедоступных лекций, прочитанный деканом экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Александром Аузаном на просветительском интернет-портале Arzamas. Социокультурная экономика — новое перспективное направление в экономической науке. На благосостояние стран воздействуют не только технологии, наличие или отсутствие ресурсов, но и культура — ценности и поведенческие установки, которыми руководствуются люди. Каждая страна имеет свой культурный код, сложившийся под влиянием религии, истории, языка, климата, агротехники и др. За последние десятилетия экономисты научились не только измерять характеристики культуры, но и использовать их для коррекции культурного кода страны и ускорения экономического роста. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 330.341
ББК 65.011

ISBN 978-5-17-148122-3

© Аузан А. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Александр Аузан	5
От автора	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Аузан
Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа

© Аузан А.А., текст, 2022

© Иллюстрации, предоставлены автором, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

От автора

Когда вышла моя предыдущая книга «Экономика всего», меня спрашивали: «Ну, что, Александр Александрович, через годик-два будет еще одна книжка?». Я отвечал: «Что вы, лет через 5–7». И, как выяснилось, я ошибался. Понадобилось 10 лет для того, чтобы новая книга вызрела, выходилась, обдумалась и превратилась в текст. Очень точно по этому поводу сказал один из моих любимых поэтов Владимир Маяковский:

Я раньше думал —
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный простак —
пожалуйста!
А оказывается —
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтается в тине сердца
глупая вобла воображения.

Я действительно прошел много километров по лесам, по улицам и по квартире для того, чтобы разрозненные мысли сложились в какое-то понимание.

А началось это, разумеется, с еретической идеи. В конце 1990-х у меня возникла опасная мысль, что некоторые наши отечественные экономические успехи и столь же очевидные экономические неудачи могут объясняться нашими культурными особенностями. Еретические мысли нередко проходят несколько фаз развития, когда сначала все говорят «что за чушь», потом «что-то в этом есть», и, наконец, «кто же этого не знает». За прошедшие двадцать лет возникло целое направление в мировых социальных науках под лозунгом «культура имеет значение», возникли исследования – как кабинетные, так и полевые, в том числе и в России – о воздействии культуры на экономику, политику, социальное развитие. И для того чтобы родилась та книга, которую вы сейчас держите в руках, необходимо было не только долго думать и много ходить. Нужно было задать вопросы и получить на них обоснованные ответы.

Первое полевое исследование такого рода мы провели с коллегами из Института национальных проектов и экономического факультета МГУ в 2012 году. С 2015 года исследования стали ежегодными, а с 2016 мы дозрели до состояния, когда некоторые идеи уже можно было рассказывать студентам. Произошло это благодаря знаменательной встрече. У нас на экономическом факультете МГУ выступил с лекцией известный российский режиссер и мыслитель Андрей Сергеевич Кончаловский, автор статьи «Культура – это судьба». И после выступления я предложил мастеру прочесть совместный курс для студентов разных факультетов МГУ про культурные коды и их воздействие на экономику и социальную жизнь. В последующие годы мы читали такой курс уже без Андрея Сергеевича, сделали его регулярным, я читаю его вместе с очень интересным молодым исследователем, моей уважаемой ученицей, Еленой Николаевной Никишиной, и, наконец, в сентябре 2021 года мы издали курс лекций «Социокультурная экономика», который сейчас доступен в электронном виде для всех, кто желает понять, о чем мы там рассказываем.

Спрашивается, зачем же я эту книгу делаю, когда, казалось бы, есть и научные статьи, и опубликованные результаты полевых исследований, и, наконец, курс лекций, изданный совсем недавно? Дело в том, что студенты для меня, конечно, главная (но не единственная) аудитория.

В начале 2000-х годов произошел знаменательный разговор с одним из министров тогдашнего реформаторского правительства, которому я сообщил, что не смогу прийти на решающее заседание правительства России, потому что у меня лекция в это время. Он сказал мне: «Сан Саныч, плюньте на студентов, мы с вами делаем реформу всей российской экономики». Я ответил: «Знаете, человек, который плюет на студентов, потом получает плевок из будущего». И умный министр согласился со мной: «Хорошо, защитим мы наше предложение без вас, идите к студентам». И я всегда стараюсь пойти к студентам, считая это наиболее важным делом своей жизни. Но то, что мы наработали, мне кажется, надо рассказать многим мыслящим, умным, образованным людям в разных науках, разных видах общественной и государственной деятельности, бизнеса, потому что мне представляется, что те, кому небезразлична судьба страны и возможности ее преобразования, могут получить некоторое полезное знание из наших поисков и находок последних десятилетий, и из того, что нам удалось надумать и сформулировать за последние годы.

Прежде всего это касается одного из ключевых вопросов, которые мне часто приходится обсуждать и комментировать, – эффекта колеи. Нередко именно с моими публикациями и комментариями по эффекту колеи связывают само внимание к этому сложному историческому, экономическому и культурному явлению, которое явно недооценивалось раньше. Я благодарен моим коллегам, которые в 2016 году удостоили меня премии имени Егора Гайдара за вклад в экономическую науку в связи с введением в научный оборот социокультурных факторов экономической динамики и эффекта колеи. Однако иногда в обсуждениях эффекта колеи я замечаю некоторую очень странную рефлексию и вспоминаю горькую фразу, которую приписывают Гегелю. Якобы Гегель, умирая, сказал: «Меня понял только один мой ученик, да и тот неправильно». Тем, кто из наличия эффекта колеи делает неожиданный вывод, что наша страна обречена на пребывание в этой траектории движения, на постоянное дежавю и повторения уже прожитых ситуаций, и что нечего и суетиться – так работает закон истории – этим людям я хочу заметить: я с вами категорически не согласен. Эффект колеи – это диагноз, а не приговор. Личную ответственность людей за свое историческое время, за принятие ошибочных решений, игнорирующих долгосрочные интересы развития страны, – эту личную ответственность никто не отменял. Напоминаю, что есть примеры стран, которые преодолели эффект колеи. Да, болезненно, сложно, неоднозначно, но это болезнь, которая имеет случаи излечения, и мы обязаны искать способы лечения этой болезни.

Хочу заметить, что за последние годы мы гораздо лучше стали понимать саму механику эффекта колеи. Наши исследования 2015–2016 годов позволили обнаружить очень важное: как в механизме принятия решений проявляется эффект колеи, как получается, что мы хотим идти в одну сторону, а идем в другую? Ну, например, Россия имеет несколько ресурсов мирового значения. Не только нефтегазовые: у нас есть самая большая в мире территория, у нас есть очень качественный человеческий капитал, и у нас есть военно-промышленный потенциал и военно-научные школы, поскольку мы – наследники двух империй – Российской империи и Советского Союза. В зависимости от того, на какой ресурс будет опираться страна, образ будущего будет формулироваться по-разному. Либо это «самая большая страна мира», которая развивает инфраструктуру и коммуникации между Европой, Азией и Америкой, либо это «страна умных людей», которая делает ставку на высококачественный человеческий капитал, доказавший свои способности в самых разных странах, либо это «военная супердержава», которая опирается именно на наследие империй и военно-промышленные возможности. Выбор зависит, в частности, от того, в каком горизонте принимается решение, потому что человеческий капитал дает реальные плоды за пределами десятилетнего срока. Вложения в инфраструктуру тоже требуют значительного времени, хотя и чуть меньше. А вот военно-технические разработки, хотя они нередко закладывались в прошлые десятилетия, при больших инвестициях в оборонно-промышленный комплекс могут дать яркие результаты за несколько лет, и мы

наблюдали, как это происходило в 2010-е годы. На основе анализа, проведенного в 2015 году, мы сделали прогноз, что с высокой вероятностью Россия пойдет по пути государственного, а не частного или народного капитализма, и что наиболее вероятный образ будущего страны – «военная супердержава», а не «страна умных людей», которую, надо заметить, представители самых разных взглядов и слоев населения считали бы наиболее счастливым будущим для России. Этот прогноз очевидным образом подтвердился. Механизм принятия решений в условиях короткого горизонта планирования приводит иногда к очень заметным результатам, но не к тем, которых реально хотелось бы достичь. Поэтому преодоление эффекта колеи – это тема, которая требует внимания, усилий, тонкого понимания, и я продолжаю заниматься этой темой: в книге, предлагаемой вашему вниманию, появилась отдельная глава, посвященная эффекту колеи, где я постарался рассказать о наших новых разработках и находках, связанных с механизмами принятия решений и видения будущего.

Последние фазы работы над книгой были связаны не с уединенными размышлениями, а с совместными усилиями, когда мы сделали серию из семи лекций на портале «Арзамас» вместе с редактором Дарьей Тимченко и ее коллегами, затем – семь колонок в журнале «Forbes» вместе с редактором Марией Михантьевой и ее коллегами. И, наконец, тексты, которые были подготовлены в издательстве «АСТ» с Екатериной Туиновой. Однако я бы сказал, самым важным для меня редактором (при том, что я благодарен, безусловно, всем, кто со мной трудился над этой книгой) стала моя жена Юлия, которая, в отличие от меня, умеет писать – у нее за плечами Литературный институт и опубликованные прозаические и стихотворные работы. Вместе с Юлией мы завершили тексты, которые начинали делать с моими коллегами по Институту национальных проектов в наших исследованиях 2012–2021 года. Им я бы хотел высказать отдельную благодарность: Елене Никишной, Антону Золотову, Александре Ставинской, Виктору Брызгалину, Надежде Припузовой, Асие Бахтигараевой, Сергею Трухачёву и другим. Но не хочу снимать с себя ответственность за то, за что отвечаю именно я. Мне кажется, главное, чем отличается книга, которую я пытаюсь вам представить, от предыдущих научных и лекционных изданий, состоит в том, что, похоже, возникает некоторое понимание и формулирование основных культурных кодов, влияющих на экономику, законов, которые позволяют прогнозировать, использовать силу культурных кодов и менять направление развития страны. Возможно, я ошибаюсь в формулировании этих законов. Но один из моих друзей сказал мне однажды: «Саша, на наших могилах будет написано “они заблуждались искренне”». Вот эту меру своего нынешнего понимания, а может быть, и заблуждения, я предлагаю вашему суду и вашему вниманию.

Александр Аузан

Глава 1

Экономика, культура и институты – танго втроем

Думаю, не я один много лет мучился вопросом: почему наша страна – сначала СССР, а потом и Россия – за XX век создала атомную и водородную бомбу, спутник, космический корабль, но не смогла сделать конкурентоспособный автомобиль, телевизор, холодильник и персональный компьютер? Чем же объяснить эти странности, заметные не только мне, но и исследователям, которые занимались экспериментами, поисками, социологией? В конце концов, я предположил, что, возможно, дело не в экономике, а в культуре.

Проверить это предположение довелось в 2011 году, когда мы с коллегами из Института национальных проектов и Центра независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге провели в трех странах социологические исследования о наших соотечественниках-инноваторах. Мы получили ответ от менеджера из США, просто чеканную формулу: «Хотите получить одну хорошую вещь – закажите русским, хотите получить десять – заказывайте кому угодно, только не русским».

Есть в философии известное суждение, именуемое бритвой Оккама (в честь Уильяма Оккама, английского философа): не умножай число сущностей сверх необходимого. Если можешь объяснять мир уже существующими сущностями – объясняй. Поэтому, чтобы заявить о том, что появляется новое направление для изучения, в котором экономика и культура переплетаются, нужно иметь вопросы, на которые нельзя дать ответы без объединения экономики и культуры, нельзя решить другим способом.

Ведь были и другие объяснения наших неудач. Например, почему плохо развивается автомобильная промышленность? Из-за протекционизма, говорят нам: отрасль сгубила государственная поддержка. Но с холодильниками такого не было, и с компьютерами – тоже. Может быть, дело в истории? В СССР были большие военные заказы, и мы до сих пор хорошо делаем то, что является предметом уникального военного заказа. Но наши соотечественники в инновационном секторе в США или Германии занимались совершенно другими вопросами, но и там эта способность – лучше делать уникальное, чем массовое – сохраняется.

То, о чем я хочу рассказать, довольно новое направление в науке, которое еще находится в процессе формирования, оно возникло сравнительно недавно. Мы, однако, успели много поработать в этом направлении, и те лекции, которые составили эту книгу, это только верхушка айсберга.

Десять лет мы занимались полевыми исследованиями и пять лет читали курс в МГУ для студентов 40 факультетов. Все это легло в основу книги «Социокультурная экономика», которую написали мы с моей замечательной коллегой и ученицей Еленой Никишиной¹. Многие из той книги вошло в книгу, которую вы держите в руках.

Вернемся к большой науке.

Пятьдесят лет назад Дуглас Норт, один из лидеров новой институциональной экономической теории, сказал знаменитую фразу: «Институты имеют значение»². Собственно, моя книга, вышедшая 10 лет тому назад сначала под заголовком «Институциональная экономика для чайников», а потом – «Экономика всего», как раз о том, какое значение имеют институты³.

¹ Аузан А. А., Никишина Е. Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021.

² North D. C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge university press.

³ Аузан А.А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь. М.: МИФ.

Но важны не только институты. Сэмюэл Хантингтон в начале XXI века сказал: «Культура имеет значение»⁴. Что ж, много что в жизни имеет значение. Однако нам хочется видеть картину мира, которая включала бы и то, и другое – потому что нам, экономистам, не хватает прежних сущностей для понимания того, что происходит вокруг. Конечно, было в институтах кое-что, что указывало в сторону культуры. Ведь что такое институты? Это правила и механизмы поддержания этих правил. А механизмов поддержания, собственно, было два, теперь я, правда, думаю, что их три. Поддерживать правило можно либо через принуждение, с помощью специально обученных людей, которые вас заставляют этому правилу следовать, угрожают применить силу, если вы не подчиняетесь. Это один вариант, это так называемые формальные институты. А другой вариант – неформальные институты, когда вы подчиняетесь правилам не потому, что в законе написано, а потому, что ваши друзья, знакомые, сослуживцы считают, что надо вести себя так, а не по-другому, когда каждый становится гарантом исполнения этих правил, потому что так принято в вашем сообществе. В общем-то, это и есть культура – другое название того, что мы, институциональные экономисты, называем неформальными институтами. Эти институты оказались важны для понимания того, как управлять ресурсами, и что из них получается, и поэтому были включены в систему экономической науки. Экономисты, в большинстве своем, и мы вместе с ними под культурой понимаем ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени – неформальные институты.

Сейчас, мне кажется, возник и третий способ поддержания правил, связанный с цифровыми платформами, агрегаторами, технологиями, которые основаны на искусственном интеллекте. Там тоже есть свои культурные явления – так называемое шеринговое, или распределенное доверие, мы об этом тоже поговорим.

Почему в экономике к культуре относились без должного внимания? Экономика как наука тоже постепенно приходила к пониманию того, что этот мир устроен сложно. Экономика – это про редкие ресурсы. Когда появляется понятие редкого ресурса, или, по-человечески говоря, когда вы понимаете, что у вас не хватает средств для достижения цели, вы начинаете заниматься экономикой. Сначала под ресурсами понимали природные богатства, наличие человеческого потенциала, который, обучая, можно превратить в капитал. Это ресурсы. А потом выяснилось, что страны, очень богатые ресурсами, могут развиваться хуже, чем страны, которые такими ресурсами не обладают, – так называемое ресурсное проклятие. Почему такое происходит? Для решения этого вопроса экономика добавила в себя понимание институтов, устройства правил. Потому что ресурсное проклятие – не от того, что у вас много нефти, а от того, что у вас все правила настроены на то, чтобы эту нефть превращать в ренту и заниматься не инновационными отраслями экономики, а захватом источников ренты и их охраной, чтобы больше никто к этим источникам не подходил. Это так называемые рентоориентированные или экстрактивные институты. Как только такой тип институтов складывается, у вас возникают неправильные экономические результаты при наличии ресурсов. Но я бы сказал, что дело не в нефти. Дело не в том, что в стране есть ресурс, а в том, что вы считаете для себя целью выжать ренту из этого ресурса. Дело не в злате, а в златолюбии, и, если не будет нефти, можно придумать другой ресурс для выжимания ренты. Скажем, люди в крепостном хозяйстве были таким ресурсом. В будущем им может оказаться чистая вода Байкала, или, наоборот, наличие больших территорий в Сибири для складирования чего-нибудь нехорошего и получения с этого рентного дохода. Поэтому пришлось институты включить внутрь экономической теории и экономической науки, а теперь приходится делать следующий шаг.

Итак, давно было понятно, что в институтах есть какой-то культурный элемент, а что нам не было понятно, так это почему им мало интересовались. Потому что экономистов сильно

⁴ Harrison L. E., Huntington S. P. (2000). Culture matters: How values shape human progress. New York: Basic books.

интересует такой вопрос, как экономический рост. Если мы не можем показать связку того или иного фактора с экономическим ростом, то вроде бы это уже не котлеты, а гарнир – это не так и важно. Почему экономический рост так важен для экономистов? Экономическая наука возникла при Адаме Смите как наука о богатстве. А богатство интересовало не в том смысле, чтобы его просто посчитать, но и как найти пути роста этого богатства. Рост – вообще-то явление довольно новое: до XVIII века его не существовало. В прежние века экономика сжималась и разжималась в зависимости от того, была ли война или эпидемия, больше людей стало или меньше. Меньше людей – меньше экономика, больше людей – больше экономика. А с XVIII века возникло явление экономического роста, и не факт, что это явление будет существовать дальше. В начале XXI века, когда темпы замедлились, экономисты стали говорить о том, что, возможно, экономический рост исчезает как явление, но он пока остается самым важным для наших поисков и размышлений. Да, конечно, мы все помним про Римский клуб и идеи устойчивого развития, но отказаться от исследования экономического роста как главной проблемы, от мечты о росте, который был бы устойчивым и приносил бы блага и результаты, трудно, в частности, по соображениям культурного характера.

Мы живем в денежной культуре, как сказал первый институциональный экономист Торстейн Веблен в блестящей книжке «Теория праздного класса», опубликованной в 1899 году⁵. А что значит денежная культура? Отец и открыватель капитализма Карл Маркс сказал, что деньгам свойственно противоречие между качественной безграничностью и количественной ограниченностью. На деньги как всеобщий эквивалент вы можете купить все что угодно, и в этом смысле любое количество денег для вас недостаточно – вы все время хотите расширения. Если в основе ценностей и поведенческих установок лежат деньги, то возникают особые поведенческие установки, от которых очень трудно отойти – как на макроуровне от идеи экономического роста, так и на микроуровне. То, что описал Веблен, – демонстративное потребление: попытка продемонстрировать статус через постройку добротного дома – на селе, или через драгоценности, которые жены надевают в театр, – для среднего класса, или через пиры, которые задают много мигрирующие рабочие (им проще всего закатить пирушку, чтобы продемонстрировать свой статус на новом месте) – это постоянная попытка показать свою платежеспособность, включенность в денежную культуру. Поэтому с экономическим ростом мы продолжаем жить как с основной идеей, понимая недостатки этой идеи и важность устойчивого развития.

Дальше я попробую показать, как от идеи экономического роста и институтов наука за последние несколько десятилетий пришла к тому, что надо говорить еще и о культуре – о ее значении и воздействии на институты и экономический рост.

Но начнем с традиционной пары – институты и экономический рост. Собственно, гипотез может быть две: либо сначала экономический рост, который потом закрепляется институтами и становится устойчивым, либо сначала институты, которые дают экономический рост и делают его устойчивым. Первую гипотезу выдвинул Сеймур Липсет как гипотезу модернизации еще в 50-е годы XX века⁶

⁵ Veblen T.B. (1899) The Theory of the Leisure Class.

⁶ Lipset S. M. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. The American political science review, 53(1), 69–105.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.